

Творчество То Хыу глубокими корнями уходит в замечательные традиции богатой национальной классики, давшей миру такого поэта, как Нгуен Зу. Оно тесно связано с народной поэзией — блестящими песнями-миниятурами «ка зао». Вместе с тем стихам То Хыу присуще совершенно новое качество, характерное для лучших образцов современной вьетнамской поэзии, — отказ от созерцательности, обветшалых традиционных образов, старых ритмических канонов и строфических норм. Выдающаяся заслуга То Хыу перед вьетнамской литературой состоит в том, что он не только внес в поэзию новые темы и идеи, но и выступил как новатор стиха, его ритмики и строфики. Стих То Хыу предельно прост, мелодичен, рифма точна и отличается яркостью, новизной. Его изобразительные средства богаты и разнообразны. Они часто связаны с привычными для простых людей образами, поговорками и приметами. «В мелодии его стихов, — писал известный австрийский публицист Фриц Иензен, — слышен отзвук родной природы, а слова их созвучны настроениям миллионов людей».

То Хыу — поэт-лирик, прошедший сложный путь от романтизма к социалистическому реализму, большой поэт революционной темы, зачинатель новой демократической вьетнамской поэзии. Поэзия То Хыу рождалась в горниле могучих революционных бурь, пронесшихся над древней страной Юга, она прошла испытание временем и ныне получила всеобщую высокую оценку соотечественников поэта. Когда три года назад реакционеры из лагеря оторвавшихся от народа интеллигентов начали крикливый поход против поэзии То Хыу, простые люди самых различных профессий решительно взяли любимого поэта под свою защиту. Этот факт, пожалуй, наиболее красноречив для характеристики творчества замечательного поэта сегодняшнего Вьетнама.

То Хыу находится в расцвете творческих сил. Как и прежде, он выполняет большую партийную и государственную работу, являясь членом ЦК Партии трудящихся Вьетнама, занимая пост заместителя министра культуры и заместителя председателя Ассоциации работников литературы и искусства республики. Он продолжает много работать над стихами и переводами произведений советских, корейских, китайских поэтов.

Давний и верный друг нашей страны, То Хыу служит образцом патриотизма и интернационализма. Это ему принадлежат слова: «Именно потому, что мы так искренне и горячо любим нашу родину, мы так же горячо и искренне любим Советский Союз!»

Еще 12 лет назад уже упоминавшийся нами историк Чан Хюи Лиеу писал: «То Хыу еще очень молод, и я уверен, что мы еще прочтем многие-много его стихи, увидим подлинный расцвет его поэзии». В наши дни это доброе пророчество сбывается. Ныне стихи То Хыу читают в Китае и СССР, Монголии и Франции, Югославии и Германии, Индии и Алжире, Польше и во многих других странах. Его имя, широко известное на родине, становится все более популярным и за пределами Вьетнама. Настоящий художник, достигший вершин искусства, перестает быть сыном одной страны, он становится членом большой семьи созидателей мировой культуры.

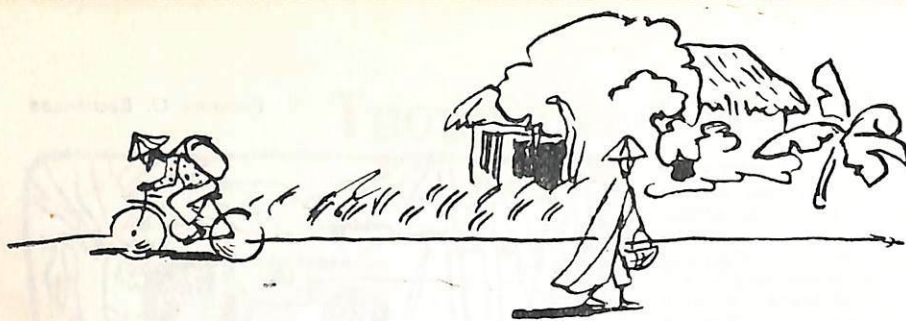
ВЕЩЕННАЯ ВЕСТЬ

Нгуен Тхань Лонг

Нгуен Тхань Лонг — молодой вьетнамский писатель. Публикуемый нами рассказ взят из газеты «Кыу куок» (Спасение Родины).

Отправляя почтовую открытку, Куэн не надеялся, что ее доставят по адресу. Сколько их он уже отправил, а ответа все нет и нет! Там, по ту сторону временной демаркационной линии, люди тшетно ждали вестей с Севера, да и сами не имели возможности посылать письма своим родным и знакомым. Однако Куэн, как и все его армейские товарищи, упорно продолжал писать. Он знал, что письма не доходят, но, несмотря на это, испытывал удовольствие, пусть горькое и безотрадное, проводя свободные часы над листом бумаги. В эти минуты он забывался, уносился в мечтах к любимой, беседуя с ней, мысленно представлял себе ее облик. И эти молчаливые беседы приносили ему некоторое утешение. Что поделаешь, если враги разделили их судьбы...

Отсылать разрешалось только открытки, текст которых не должен был превышать пяти строк. И, поразмыслив, на этот раз Куэн написал: «Дорогая Ван! Думаю о тебе... Всегда, всегда думаю о тебе, любимая!»

Горькие непрошенные слезы выступили на его глазах. Он сунул открытку в карман, бросился на койку и натянул на голову одеяло...

В детстве Куэн любил бродить по джунглям, взбираться на поросшие мангровыми лесами холмы, отыскивать маленькие озера с холодной ключевой водой. Он подолгу простаивал возле этих светлых и спокойных бочажков, бросая время от времени в их бездонную глубь маленькие камешки. Камешки пронзали прозрачную толщу воды и шли ко дну; из глубины доносилось глухое булькающее эхо. Но встречались и такие глубокие озера, что, сколько бы он ни ждал, эхо так и не возникало. Тогда ему почему-то вдруг становилось грустно, и он уходил прочь от этих безответных немых озер.

Уже став взрослым, Куэн хранил в душе воспоминания о своих хождениях по горным озерам, связывая с ними какое-то наивное суеверие детских лет. И сейчас, опуская открытку в почтовый ящик, Куэн невольно вспомнил те далекие годы, когда он бросал камни в глубокое озеро и тшкетно ждал ответного эха. Теперь уже не озеро, а почтовый ящик оставался глухим к его призывам.

Старик-почтмейстер уезда Там-Лап, что находится на юге страны, не был радивым чиновником. Каждое утро к нему навещивался местный жандарм, тощий и бородатый, с вечно вздернутым к небу носом. Рядом с ним, лениво помахивая хвостом, неизменно трусил старый лохматый пес. Жандарм приходил проверить почту. Обычно в уезд поступало от пятидесяти до семидесяти писем — большей частью служебные и воинские. Но выдавались дни, когда их было всего какой-нибудь пять. Жандарм входил в маленькую контору, усаживался прямо на стол и важно, не торопясь, начинал разбирать корреспонденцию. Подозрительные письма он тут же вскрывал, прочитывал и, если не находил ничего крамольного, вкладывал обратно в конверт; другие же совал в карман. Затем, не прощаясь, удалялся. Тогда наступала очередь почтмейстера. Он бросал презрительный взгляд на оставшуюся кучку писем, в которых уже не содержалось ничего «интересного». «Ну и черт с ними!» — и принимался бранить всех

на свете, выискивая такие выражения, которые мир вряд ли ведал.

Случалось, немного выпив, старик засыпал до следующего утра. Но в ту ночь он не мог уснуть.

Ворочаясь на своей убогой подстилке, почтмейстер ворчал, раздосадованный бессонницей: «Что же в самом деле произошло, что я не могу спать?» И он вспоминал о пачке открыток, полученных накануне вечером. Их было тринадцать, этих открыток, похожих друг на друга, словно близнецы, каждая лишь по пять строк. Обычные слова, повторяющиеся из одной открытки в другую: «здоров», «мы здоровы», «живем хорошо», «не беспокойся», «помню»... «Ведь ничего особенного, — рассуждал старик, — а все-таки кто получит их, наверняка обрадуется!»

Сон так и не приходил. Неужели эти почтовые открытки явились причиной его беспокойства? А может, он ревновал? Кому-то пишут и пишут, находят теплые слова, а ему... Ему никто не пишет. На всем белом свете не осталось ни одного живого существа, которое бы вдруг вспомнило о нем. Был, правда, у него сын, тоже почтмейстер, но единственное письмо, которое старик доставил самому себе, содержало известие о его гибели.

Старик поднялся со своего ложа, зажег копилку и, не торопясь, еще раз перечитал все тринадцать открыток. Глаза его сами собой набухли, затуманились слезами. Он недовольно тряхнул седой головой, провел рукавом по глазам и дрожащими пальцами стал разглаживать открытку со словами: «Всегда, всегда думаю о тебе, любимая!» Кто он, этот юноша, в словах которого столько боли и горечи, столько надежд и тревоги? Скорее всего, жених, безумно влюбленный в свою невесту. А может, муж? Да... Не так-то легко устроить, чтобы она прочла эти пять строк. Ох как нелегко это сделать! Придет жандарм и наверняка унесет открытку с собой. А не он, так деревенский староста или еще кто-нибудь заинтересуется, кто это так страдает на Севере по девушке Ван!

Старик посидел еще, подумал и спрятал последнюю из тринадцати открыток в карман. Он уже твердо решил, что сам разыщет деревню и ту девушку, которой адресовано письмо.

На следующий день в полдень старый почтмейстер взобрался на свой дребезжащий допотопный велосипед и пустился в путь. Через несколько часов он подъезжал к деревне

Там-Кьеу. Отыскал нужный дом, отворил калитку и сразу же увидел молодую женщину, занятую стиркой белья. Подумав почему-то, что это и есть та, кого он ищет, старик окликнул:

— Эй, Ван!

Девушка выпрямилась, удивленно глядя на незнакомца. Но не успела она заговорить, как старик поспешно сунул ей в карман открытку и быстро вышел на улицу, пробормотав: «От мужа!» Девушка проводила удаляющийся велосипед растерянным взглядом. «От мужа! От какого мужа? Странно...» У нее было много женихов: одни слали сентиментальные письма, другие — подарки, третьи надоедали через старосту деревни, четвертые таскались за матерью по базару, лстиво называя ее «мамашей»... Но всем им отец отвечал одно и то же: «Она давно просватана!» А мать как-то посоветовала: «Напиши письмо — якобы мужу и отправь через этих лоботрясов». Но потом говорила: «А может, и из них кто-нибудь придется тебе по сердцу... Уж очень я беспокоюсь за тебя, доченька!»

Нет, Ван ни за что не выйдет ни за кого из этих господских сынков, хоть бей ее, хоть в тюрьму сажай!

Мать все допытывалась:

— Но кого ты любишь-то?

Ван молчала, но однажды не выдержала и выпалила: «Куэна!» — и сразу же страшно смутилась, испугавшись, что это дойдет до него. Но опасения были напрасны: ее возлюбленный был слишком далеко, чтобы услышать это признание. Может быть, он питал к ней лишь дружеские чувства? Ведь о любви они никогда не говорили. Ван жалела теперь, что была недостаточно смела, когда он заходил в их дом. Но кто мог знать, что так обернется?

Изредка Ван заглядывала к родным Куэна, но всякий раз, когда она обиняком пыталась узнать что-нибудь о любимом, оказывалось, что его семья не имеет никаких вестей от него.

Когда незнакомый старик произнес: «От мужа», Ван скорее испугалась, нежели удивилась: деревенские «женихи» нередко безо всякого основания именовали себя ее мужьями. Не таит ли письмо какого-нибудь подвоха? Она быстро прошла на свою половину и с волнением достала из кармана открытку. Почерк Куэна она узнала сразу, а когда прочитала слова: «Дорогая Ван! Думаю о тебе... Всегда думаю о тебе, любимая!», то силы оставили ее. Девушка опустила на циновку и, уткнувшись лицом в открытку, разрыдалась. Эти первые любовные строки до-

ставили ей невыносимую боль. Она почувствовала себя одновременно и счастливой и несчастной.

Услышав ее плач, мать с тревогой вбежала в комнату. Отец несколько раз сердито стучал по столу, зовя женщин, и, не дождавшись, сам пошел к ним.

— Что это?

Он взял из рук матери открытку.

— Открытка? — старые морщинистые руки вдруг задрожали от нахлынувшего волнения.

* * *

Товарищи! Те, что живут вместе с Куэном! Передайте всем радостную весть: он женился. Да, да — женился!

На следующее утро после получения открытки отец Ван облачился в праздничную одежду, взял с собой драгоценную весточку и отправился к родителям Куэна.

Радость была необычайной, она оживила всю семью. Матушка Куэна суежилась, болтала о том, о сем, а затем прямо перешла к делу.

Сватовство состоялось накануне Нового года. Еще задолго до рассвета матушка Куэна разбудила своих ребят:

— Вставайте, вставайте! Спешите встречать невесту!

И когда за кустами сада появилась Ван в сопровождении своих родителей и старика-почтмейстера, которого она разыскала с большим трудом, ребяташки выскочили из дома и шумно приветствовали ее:

— Невеста идет! Невеста!

* * *

Куэн, поздравляю тебя! Желаю тебе большого счастья!

Перевел с вьетнамского Ву Тхы Хьен

